

И. В. Дубровский

ТРИ ЗАГАДКИ «ЗАПИСОК ВЕЛИКОЙ ОСОБЫ»

Резюме

«Записки Великой особы» — одно из условных названий популярного русского травелога времен Великого посольства. Кто был автором безымянного сочинения? Почему он игнорирует европейскую культуру, подменяя ее в своем повествовании рассказом о пустяках? К двум этим старым вопросам стараниями коллег недавно прибавился третий. А было ли сочинение? Поездка и составленный по ее следам дневник реально имели место или перед нами чья-то умелая мистификация? Таковы три главных загадки рассматриваемого текста. И. А. Вознесенская и А. И. Алексеев раскрывают нам глаза на бесчисленное количество списков и совершенную неизученность огромной рукописной традиции памятника. По их мнению, ее анализ должен убедить нас в том, что перед нами вымышленный рассказ о вымышленном путешествии, составленный на основе реальных травелогов. Поскольку такого анализа пока нет и в деле изучения рукописей исследователи сделали лишь первые шаги, данное мнение приходится считать смелой гипотезой. Отмеченные И. А. Вознесенской переклички ряда мест «Записок Великой особы» с путевым дневником П. А. Толстого крайне любопытны и могут свидетельствовать о контактах двух авторов в Венеции. По поводу авторства «Записок Великой особы» в наши дни существуют два мнения. Ф. Оттен приписывает записки А. М. Апраксину, Д. Ю. Гузевич — А. П. Измайлову. Аргументация Ф. Оттена при этом построена на грубом насилии над материалом. Мысль же Д. Ю. Гузевича об авторстве А. П. Измайлова может быть признана лишь неуверенной догадкой. Новые архивные находки, сделанные в Италии, впрочем, ей не противоречат. Если стольник П. А. Толстой в своих путевых записках демонстрирует примеры необъяснимо глубокого понимания самых рафинированных сторон западноевропейской культуры, то автора «Записок Великой особы» нельзя не признать в этом отношении его зеркальной противоположностью. Ошибкой, однако, было бы сделать отсюда вывод о существовании в верхах русского общества приверженцев разных культурных ориентаций. В число тех, кто отрицает европейские порядки, временами попадает сам царь Петр I, кого мы точно не решимся записать в противники Петровских реформ. Скорее всего,

дело в том, что здесь не действуют напрямую образовательный уровень и культурные запросы, а включаются и проявляют себя некие формы социального поведения, которые могут навязывать как принятие, так и отрицание отдельных сторон западной культуры.

Ключевые слова: литература путешествий, эпоха Петра I, Великое посольство, stolniki-навигаторы, Россия и Запад, история культуры

Igor V. Dubrovski

THREE RIDDLES FROM *NOTEBOOK OF A GREAT PERSON*

Abstract

The *Notebook of a Great Person* is one of the conventional names of a well-known Russian travelogue from the time of the Great Embassy. The author of this essay is unknown, and it is unclear why he chose to focus on trivial matters instead of on European culture. Scholars have recently raised yet another question: Is the essay authentic, or is it a clever forgery? These are the three main riddles of the text that this article investigates. According to Irina Voznesenskaya and Aleksei Alekseev, the countless number of manuscripts and the unexplored manuscript tradition of this text suggest that we are dealing with a fictional story about a fictional journey that was compiled based on real travelogues. Since researchers have only taken the initial steps in studying the manuscripts, this view remains a bold hypothesis. The similarities between several locations in the *Notebook of a Great Person* and some places mentioned in Petr Tolstoy's travel diary, which were noted by Irina Voznesenskaya, are intriguing and suggest that the two authors may have had some contact with each other in Venice. Currently (no comma) there are two opinions regarding the authorship of the *Notebook of a Great Person*. Fred Otten attributes the *Notebook* to Andrei M. Apraksin, while Dmitriy Yu. Guzevich ascribes it to Andrei P. Izmailov. Otten's argumentation, however, is subjective and is not based on a faithful reading of the material. Guzevich's idea about the authorship of Andrei Izmailov is merely a conjecture although recent archival findings in Italy do not contradict this attribution. If Petr A. Tolstoy demonstrates an inexplicably deep understanding of the refined aspects of Western European culture in his travel notes, the author of the *Notebook of a Great Person* displays the completely opposite tendency in this regard. One should, however, not assume that different cultural norms circulated at the top of Russian society. Even Tsar Peter I himself was occasionally among those who disregarded cultural norms. It is possible that educational levels and cultural expectations did not have a direct impact on Russians in the age of Peter the Great, but rather certain forms of social behavior triggered either the promotion or the rejection of certain aspects of Western culture.

Keywords: travelogues, the era of Peter the Great, the Great Embassy, stolniki-navigators, Russia and the West, cultural history

DOI 10.31860/2712-7591-2024-1-7-34

«**З**аписки Великой особы» — условное наименование дневника русского путешественника, посетившего Германию, Голландию и Италию в годы Великого посольства. Этим названием я стану пользоваться. Оно восходит к заглавию первого печатного издания сочинения [Записная книжка]. Напомню читателю, что устойчивой традиции здесь нет, и это заглавие сосуществует с целым рядом других. «Великую особу» иной раз осторожно переименовывают в «Неизвестную особу». Кто-то всерьез думает, что неизвестный автор сочинения якобы установлен и вопрос закрыт. Впрочем, одни приписывают записки А. М. Апраксину, другие столь же уверенно — А. П. Измайлову. По мотивам заглавий текста, часто встречающихся в рукописях, некоторые исследователи именуют его «Журналом о шествии в европейские края» либо просто «Журналом шествия». Все эти обозначения подразумевают одно и то же сочинение.

Текст как таковой выглядит не лишенным загадок, но в принципе известным, готовым для ознакомления и дальнейшей работы. К сожалению, все не так просто. Представление о том, что исследователи в достаточной мере знают этот памятник и способны о нем судить, было недавно оспорено в работах И. А. Вознесенской и А. И. Алексеева [Вознесенская; Алексеев]. Сочинение издавалось около десяти раз, но почти всегда — по одной случайной рукописи. Между тем речь идет о необычайно распространенном тексте. В фондах БАН И. А. Вознесенская насчитала 20 списков сочинения. В одном только Отделе рукописей РНБ А. И. Алексееву их известно не меньше пятидесяти. Сколько списков всего, никто даже не пробовал выяснить, не говоря уже о том, чтобы мало-мальски разобраться в истории рукописной традиции памятника.

Это важнейшая информация. Мы с благодарностью принимаем ее к сведению. Другие тезисы уважаемых коллег, напротив, вызывают сомнения. Объектом критики с их стороны становится один конкретный исследователь и конкретная исследовательская цель, а именно ими отрицается корректность попыток выяснить имя путешественника, оставившего нам свои безымянные записки. «Своего рода апогеем в стремлении достичь результата без обращения к рукописям, — пишет в своей статье А. И. Алексеев, — стали работы Д. Ю. Гузевича... Д. Ю. Гузевич пришел к выводу, что автором (безымянного сочинения) является стольник Алексей Измайлов. Рассуждения и выводы Д. Ю. Гузевича являются чисто умозрительными спекуляциями, поскольку не опираются на результаты текстологического исследования памятника» [Алексеев, с. 218]. К такой строгой оценке побуждает сложившееся у коллег мнение о сути памятника. И. А. Вознесенская и А. И. Алексеев, работавшие с десятками рукописей, обращают внимание на то, что текст

записок находит свое устойчивое место в составе тематического сборника по истории раннего петровского времени и куда реже встречается отдельно. И. А. Вознесенская и А. И. Алексеев берутся утверждать, что текст и был составлен для данного сборника, дабы заполнить в нем некую содержательную лакуну. Якобы перед нами не реальный дневник реального путешественника, а вымышленное описание, скомпилированное из разных источников. Обескураживающее определение И. А. Вознесенской гласит: «Споры об авторе-путешественнике бессмысленны, так как текст представляет собой не дневник, а литературное сочинение, написанное в форме путевых заметок на основании различных источников, среди которых были записки П. А. Толстого и Б. П. Шереметева. Надо полагать, „Журнал о шествии в европейские края“ был составлен специально, чтобы дополнить сборники о Петре I, включавшие записки о Стрелецком бунте, недостающей информацией о путешествии по Западной Европе» [Вознесенская, Базарова, с. 12].

Замечу по этому поводу следующее. Важность изучения рукописной традиции не требует доказательств. Анализ такого рода, по идее, должен стать первым этапом исследований, предворяющим собой все остальные. Но соблюсти корректную последовательность действий не всегда получается. Иной раз приходится браться за дело с середины. Любые полученные картины будут при этом, конечно, только рабочими гипотезами, требующими понимания своей шаткости. Можно винить историка-любителя из Парижа Д. Ю. Гузевича в том, что он формулирует свою мысль категорично. Однако его ученые оппоненты грешат ровно тем же. И они находятся в начале пути. Почтенные знатоки рукописных фондов, затеявшие этот спор, сами руководствуются первыми догадками и впечатлениями, но говорят о них чересчур уверенно, как будто об установленных и общепризнанных фактах. Если на то пошло, высказанное ими предположение о фиктивном характере записок пока является голословным и чрезвычайно сомнительным утверждением.

Тут надо точно сказать, какие новые факты, что именно исследователям посчастливилось открыть, а где начинаются неясности и гипотезы. Думается, И. А. Вознесенская проявила незаурядную наблюдательность. Ее ценнейшим открытием следует считать неожиданное родство интересующих нас путевых записок и известного дневника другого путешественника того времени, П. А. Толстого, с которым неизвестный автор наверняка встречался в Венеции. Такие встречи должны были иметь место в мае и затем сентябре 1698 г. И. А. Вознесенская находит определенное сходство в ряде венецианских описаний двух писателей. Я прибавлю, что такое родство двух повествований еще заметнее в описаниях Рима. Оно неоспоримо в рассказе о поездке

из Рима в городок Фраскати и посещения двух прославленных тамошних вилл Мондрагоне и Алдобрандини. Подобная близость оставляет нас в недоумении и требует объяснения.

Тем не менее возьмусь утверждать, что во всех этих местах без исключения автор безымянных записок приводит такие подробности, которых у П. А. Толстого или где-то еще нет и которые кажутся безусловно оригинальными, восходящими к личным впечатлениям пишущего. Картины нескольких итальянских городов, где можно сличать информацию «Великой особы» с данными П. А. Толстого, — это небольшая часть сочинения, считанные страницы. Понятных оснований усомниться в оригинальности остального нет или я не вижу никаких. Часть переданных сведений, видимо, являлась общим достоянием группы русских «навигаторов», обретавшихся в Венеции, теми разговорами, которые ходили в их среде. Так, едва ли П. А. Толстой и наш безымянный автор действительно видели, как в ходе обряда «венчания с морем» венецианский дож бросил за борт драгоценный перстень. Скорее можно предположить, что они, по крайней мере, отчасти передают рассказ об этой венецианской традиции. Другой несомненный след такой общей осведомленности — близкие данные о численности венецианских шлюх: якобы их было восемь тысяч, по сведениям одного автора, и «болши» десяти, согласно другому. Ясно, что считать венецианских жриц любви ни тот ни другой сами не могли и не собирались. Наконец, напрашивается вопрос, не имел ли составитель «Записок Великой особы» возможности видеть путевые записки П. А. Толстого в момент написания своих, еще в пору их общего пребывания в Венеции?

С нетерпением ждем результатов работы с рукописями сочинения, если ее кто-то предпримет. Заранее можно сказать, что такое исследование обнаружит, что текст претерпел редакцию, поскольку в нем можно указать места, являющиеся неудачными вставками. Самая вопиющая — рассказ о прославленном святилище в городке Лорето под Анконой в итальянской провинции Марке. В целом ряде списков «Записок Великой особы» храм в Лорето по недоразумению представлен в качестве достопримечательности Флоренции. Тут интересно заметить, что составитель «Записок» в Лорето и той стороне Италии, где он расположен, не бывал в принципе. Потому данный факт доказывает заимствование им чужой информации. Присмотревшись, мы без труда найдем другие вставки. Например, рассказ о Scala Sancta, «Святой лестнице» в Риме, в дневнике «Великой особы» идет между описанием площади перед собором св. Петра на Ватикане и рассказом о посещении автором расположенного за собором Ватиканского дворца. В действительности «Святая лестница» со следами крови Спасителя, шествовавшего по ней

на суд Понтия Пилата, одна из главных святынь христианского Рима, находится в другой стороне города, на Латеранском холме. Составитель интересующего нас текста явно путает ее со Scala Regia, «Царской лестницей» — расположенным на площади св. Петра парадным входом в Ватиканский дворец.

И последнее в этой связи: нельзя пройти мимо того факта, что наш немецкий коллега Ф. Оттен потратил немало сил на исследование лексических заимствований, которые появляются на страницах волнующих нас записок неизвестного русского путешественника [Otten 1984a; 1984b; 1985, S. 53–71]. Первое впечатление от его работ — удивление, как огромен вклад автора записок в русский язык и, в частности, тот лексический материал, которым мы пользуемся по сей день. В действительности эти лексические исследования Ф. Оттена, возможно, не представляют собой надежного основания для суждений о безымянном писателе и его труде. Часть таких лексических новаций, видимо, мнимые. Такие слова и выражения, как «статуя», «мозаическая работа» и некоторые другие, присутствующие только в отдельных, причем не самых достоверных, копиях, кажутся следами позднейших редакций и наслоений. Большая группа заимствований (как то: «опера», «фрукт», «гондола» и т. д.) возникает впервые в русском языке сразу в двух местах — «Записках Великой особы» и «Путешествии стольника П. А. Толстого». То есть, скорее всего, перед нами следы общего языка, возникающего для описания западноевропейских реалий в среде заброшенных судьбой в Венецию русских царедворцев.

* * *

Пока не доказано обратное, я буду считать «Записки Великой особы» документальным сочинением времен Великого посольства, а вопрос о его авторстве — релевантным. Масштабное предприятие, известное под именем Великого посольства, напомним, подразумевало одновременный выезд (или, если угодно, высылку) за границу под разными предложениями значительной части царского двора. В частности, десятки царских стольников были отправлены учиться морской науке. Одна их группа поехала в Венецию, другая — в Голландию. Как можно установить искомое авторство нашего сочинения, понятно. Надо выяснить, кто из русских бывал там и тогда, где и когда находился автор безымянных записок. Естественно, что при этом другие факты биографии кандидата не должны противоречить содержанию записок, укладываться в эти рамки. Данному критерию отвечают две попытки атрибуции сочинения, на которых мы и остановимся.

Первая предпринята Ф. Оттеном [Otten 1985, S. 7–52]. Он нашел в Стокгольме архивный документ с именами проезжавших через шведский пограничный пункт Нейгаузен в районе Пскова на обратном пути из Европы с января по июнь 1699 г. Рассказ «Великой особы» обрывается раньше. Потому с помощью сведений, найденных Ф. Оттеном, мы только угадываем, в какой день автор путевого дневника мог пересечь границу. В поле зрения Ф. Оттена попадает несколько русских, из которых он выбирает наиболее правдоподобную кандидатуру на роль возможного автора записок. Таким наилучшим кандидатом, по мнению немецкого исследователя, оказывается один из царских стольников Андрей Матвеевич Апраксин. Вывод Ф. Оттена был воспринят многими нашими филологами. В частности, А. М. Апраксин представлен автором записок в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» [Буланин].

Другое мнение около десяти лет назад высказал Д. Ю. Гузевич (наиболее развернуто в кн.: [Гузевич 2012]). Он обращает внимание, что, по информации Ф. Оттена, в тот же день, что и А. М. Апраксин, возможно, в одной с ним карете в Россию вернулся некий Измайлов. Ф. Оттен оставил это имя без внимания, ибо знал только трех братьев Измайловых — Андрея, Михаила и Ивана Петровичей, — отправленных учиться «навигации» в Венецию. Никто из них быть автором записок не мог, ибо те начинаются с описания пути по Германии и Голландии. Д. Ю. Гузевич справедливо указывает, что наряду с тремя братьями, посланными в Италию, в Европу в это время выезжал их четвертый брат, Алексей Петрович, чему имеются два доказательства. Во-первых, он расписался в альбоме амстердамского анатома Рёйса, или, как у нас его называют, Рюйша, видимо, в августе или сентябре 1697 г. сразу после Петра I и Меньшикова [Гузевич 2012, с. 34]. Во-вторых, имя Алексея Измайлова фигурирует в списке русских дворян, посланных в 1697 г. для обучения в Голландию, который приводит Борис Куракин (он опубликован и прокомментирован в работе: [Платонов]). Два эти свидетельства, в сущности, и есть вся новая информация, которую удалось собрать Д. Ю. Гузевичу и на основании которой он считает, что автором волнующего нас сочинения мог быть Алексей Измайлов. От догадки он быстро переходит к уверенности и источник ее.

Разберем этот материал. Начать хотелось бы с рассуждения Ф. Оттена. Оно кажется крайне сомнительным, и я недоумеваю, почему в него поверили другие исследователи. Читали ли они его книгу внимательно? Список Ф. Оттена включает следующие русские имена. 3 марта 1699 г., согласно этому документу, границу пересек «Андрей Петров, русский царедворец

⟨Moscowitischer Hofbedienter⟩, с двумя слугами ⟨Diener⟩». Царские стольники за границей, по приказу царя скрывая свое происхождение, называли себя по имени-отчеству. По-видимому, перед нами не кто иной, как Андрей Петрович Измайлов, брат Алексея. 12 марта через пропускной пункт проезжают «Mina Ossipowitz, русский дворянин» и «его сиятельство Кнās Ossip Iwanowitz» с тремя слугами ⟨Bedienten⟩. Вероятнее всего, речь идет о князьях Щербатовых, которые составителями «Записок Великой особы», кажется, быть не могли. Автор «Записок», по мнению Ф. Оттена, поддержанному Д. Ю. Гузевичем, прибыл на шведско-русскую границу 11 апреля. Проезжавших тогда было «трое знатных русских господ» — А. М. Апраксин, некий «Ismaloff» и С. И. Салтыков, «с ними один голландский майор, один лейтенант и семеро слуг ⟨Bedienten⟩». Следующие русские появятся в пограничном пункте Нейгаузен только 30 мая. Это будет возвращающееся на родину посольство П. Б. Возницына.

Последней датой, приведенной в большинстве известных копий сочинения, является приезд автора записок 27 февраля 1699 г. в столицу герцогства Курляндского Митава. В целом ряде списков к этому прибавлено, что это случилось «поутру» и что «того же числа приехали в Ригу». Считая единственной правдоподобной кандидатурой на роль автора наших записок А. М. Апраксина, оказавшегося на русской границе только 11 апреля, Ф. Оттен решает на прямое насилие над материалом. Чтобы заставить его отвечать своей гипотезе, он произвольно объявляет последней достоверной датой, указанной в записках, отъезд из Кенигсберга 20 февраля, а последующее изложение трактует как результат некоего неумелого сокращения, будто бы приведшего к путанице дат. Путем сомнительных расчетов и удобных ему «конъектур» (вместо февраля он предлагает ниже читать: «март») Ф. Оттен пытается доказать, что автор сочинения мог двигаться якобы так медленно, что достиг русской границы лишь 1 апреля. Согласно Ф. Оттену, речь при этом идет о 1 апреля по юлианскому календарю, тогда как в шведском списке проезжавших через границу будто бы используется новое, григорианское летоисчисление, где первое апреля становится искомым одиннадцатым. Казалось бы, сам Д. Ю. Гузевич наносит этому построению смертельный удар, обращая наше внимание на тот факт, что проезд П. Б. Возницына через границу в архивном документе из Стокгольма и русских источниках датирован одним днем — 30 мая 1699 г. ([Гузевич 2012, с. 46] со ссылкой на [ПДС 1868, стб. 637–638]). Следовательно, в шведском документе использованы датировки «по старому стилю», и концы с концами у Ф. Оттена теперь уже точно не сходятся. Однако, вопреки собственному открытию и уже всякому здравому смыслу, Д. Ю. Гузевич настаивает на авторстве ехавшего вместе

с А. М. Апраксиным Измайлова, понимая под этим именем Алексея Петровича Измайлова.

Мне дело видится следующим образом. Поводов отрицать реальность приезда автора сочинения в Митаву и Ригу 27 февраля 1699 г. нет никаких. Путь от Риги до русской границы у Нейгаузена дальностью двести верст по зимней дороге на санях, дававших максимальную скорость перемещения, писатель мог и должен был преодолеть за считанные дни. Потратить на него шесть недель, чтобы прибыть в Нейгаузен 11 апреля, кажется чем-то невыносимым. Если мы ищем совпадения с путевым дневником, то единственный вариант, более или менее укладывающийся в указанные временные рамки, — это приезд в Нейгаузен «Андрея Петрова <...> с двумя слугами», достигшего пограничного пункта 3 марта. Тут надо заметить, что Андрей Петрович являлся старшим среди оказавшихся за границей братьев Измайловых. Это существенная подробность, ибо старший брат мог выступать олицетворением семьи во внешнем мире. Их могли назвать (ниже мы увидим такой случай): «Андрей Измайлов с братьями». В такой связи, пожалуй, можно решиться на сомнительную гипотезу, что упомянутые в шведском документе «слуги» Андрея Петровича являлись на деле его братьями и одним из них был Алексей Петрович Измайлов, которого Д. Ю. Гузевич прочит в авторы дневника. Так или иначе, становится очевидным, что по имени автор путевых записок в бумаге, найденной Ф. Оттенем, не назван, и свидетельствовать она ни о чем не может.

Недавно я оказался источником новой волны энтузиазма Д. Ю. Гузевича в отстаивании им идеи об авторстве Алексея Измайлова. Виной тому щедрость, с которой я делюсь найденными мной архивными документами. Уверен, это правильно в том смысле, что важным находкам необходимо обеспечить быстрое вхождение в научный оборот. Другой вопрос, что для понимания материалов требуется квалификация и знание контекста. Опираясь на мои транскрипции, попавшие к нему через вторые руки, Д. Ю. Гузевич объявляет, что факт авторства А. П. Измайлова теперь доказан [Гузевич 2022]. Здесь я вынужден вмешаться и рассказать, какую информацию содержат собранные мной материалы, а чего в них нет.

Знакомясь с бумагами канцелярии великого герцога Тосканского Козимо III, хранящимися во Флорентийском государственном архиве, я, в частности, собирал свидетельства о посещении Флоренции царскими стольниками, отправленными в Европу учиться «навигации» одновременно с Великим посольством. Изначально пунктом притяжения для них в Тоскане являлся порт Ливорно, интересовавший их как база военно-морского флота. К концу пребывания в Италии их особенно влекла Флоренция. Все стольники перед

отъездом на родину, видимо, там побывали. Со слов П. А. Толстого, сообщаящего о своем посещении Флоренции 2—3 сентября 1698 г., становится понятно, что для стражи при въезде в город приезд русского в это время был привычным делом. «И как услышали обо мне, — читаем мы в записках П. А. Толстого, — что я Московскаго государства человек, и они, у меня ничего не осматривая, тотчас меня во Флоренцию пропустили» [Толстой, с. 228]. С кем-то из русских у великого герцога завязались отношения. Так, мы с удивлением узнаем, что князь А. П. Прозоровский, не вернувшийся на родину, получил от Козимо III крест ордена Св. Стефана [Дубровский 2023а]. Более известные факты: пышный прием, оказанный новоиспеченному кавалеру креста Мальтийского ордена Б. П. Шереметеву, побывавшему во Флоренции с 2 по 5 июля 1698 г., а также отношения и переписка великого герцога Тосканского с П. А. Голицыным (по поводу последнего из опубликованных работ см.: [Di Salvo; Balatri]). Большинство приемов во Флоренции, напротив, видимо, были формальными и следов о себе не оставили.

Необходимую информацию о приезжих герцог имел или всегда мог получить от своих агентов купцов Гваскони. Франческо Гваскони в письмах из Москвы от 26 февраля и 19 марта 1697 г. заблаговременно извещал, что направляющиеся в Италию «московиты» являются представителями лучших семейств своей страны, которым приказано скрывать свои настоящие имена и титулы¹. Его старший брат Алессандро Гваскони, проживавший в Венеции, в письме секретарю великого герцога от 5 июля 1697 г. подтверждал прибытие царских стольников в Венецию, снова именуя их цветом русской знати и отмечая нахождение среди них царского шурина². Этой информации, принятой при тосканском дворе к сведению, как правило, было достаточно. Подлинные имена и положение побывавших во Флоренции русских дворян Козимо III и его канцелярию, кажется, чаще всего не интересовали. Секретари великого герцога обращаются с расспросами о проезжающих «московитах» к своему агенту в Венеции Алессандро Гваскони лишь в том случае, когда возникают сомнения в том, что безымянным гостям был оказан тот прием, которого они заслуживают. Придворный этикет требовал точной меры, и отклонения в ту и другую сторону одинаково могли повредить доброму имени правителя Флоренции. Потому беспокоились, когда гость вел себя не как все, то есть казался недостойным оказанной ему чести, либо,

¹ Три почти идентичные выписки из этих писем, сделанные на одном листке бумаги рукой Алессандро Гваскони, мне удалось найти в трех разных местах: Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato (далее — ASFi, MdP), 1581, f. 410r.; Archivio di Stato di Venezia, Inquisitori di Stato, b. 610 (без пагинации); Archivio Segreto Vaticano, Segreteria di Stato, Venezia, 145, f. 332r.

² ASFi, MdP, 1581, f. 432r.–433v.

наоборот, держался чересчур важно, так что в нем можно было заподозрить могущественное лицо.

Так, в одном из писем в Венецию секретарь Бассетти расспрашивает агента о приезжавшем во Флоренцию «еще одном русском синьоре», велевшем называть себя князем Георгием Гюргевичем. «Тот не обнаружил большой учтивости, будучи по природе довольно неотесанным». Правда ли то, что он князь? — интересовались при тосканском дворе³. Агент Алессандро Гваскони спешит успокоить своего корреспондента: приезжий действительно князь, Юрий Юрьевич Трубецкой. «Он по натуре в самом деле немного неотесан. Таким он показал себя и здесь (в Венеции)»⁴.

В другой раз секретарь Бассетти обеспокоен другим. «Недавно во Флоренции, — кидается он с расспросами к Алессандро Гваскони, — на аудиенции у его светлости был один русский кавалер. Он человек благородной наружности, высокого роста, с хорошими манерами («ben formato di vita», но в черновике было сказано иначе: «ben formato di corpo» — «изрядного телосложения»), одет на польский лад, носит светлый парик, на вид ему около сорока. С ним разные люди, которые относятся к нему с почтением. Среди них, говорят, есть будто бы два его брата и один священник. Упомянутый кавалер, выехав из Венеции, отправился на Мальту, потом в Неаполь, Бари и Рим, откуда он и приехал во Флоренцию». Кто он таков, пытались выяснить у купцов, которым тот мог оставить свой адрес для пересылки каких-либо товаров. Однако таинственный гость таких поручений никому не давал. «Его светлости (великому герцогу), — продолжает секретарь, — любопытно знать, какое положение он занимает, ибо нашлись такие, кому взбрело в голову, что он может быть царским свойственником»⁵.

На конверте неизвестным почерком сделана приписка с русскими именами, в которых узнаются трое Милославских: Сергей и Александр Ивановичи являлись родными братьями, Алексей Матвеевич приходился им двоюродным. Царским шурином, упоминавшимся в переписке тосканского двора с братьями Гваскони, являлся брат царицы Авраам Лопухин. Другим источником подобной информации выступали газеты — изначально рукописные новостные листки.

Любопытным образом о «царском свойственнике», объявившемся в Риме, сообщала газета от 28 декабря 1697 г.: «Сюда (в Рим), — говорится в этом тексте, — прибыл свойственник царя Московии, дабы увидиться

³ ASFi, MdP, 1608, f. 1074r.-v.; черновик: Там же, 1581, f. 694r.-v.

⁴ ASFi, MdP, 1581, f. 698r.

⁵ ASFi, MdP, 1608, f. 999v., 1000r.; черновик: там же, 1581, f. 630r.

с двумя московскими князьями Голицыными, недавно приехавшими с большой кавалькадой, и на фоне этих его соотечественников он выделяется, хотя и они важные господа» («e viene egli molto distinto da quei suoi nazionali, benché siano gran cavalieri») [Шмурло, с. 327–328, № 441]. Разберемся, кто были эти люди. «Семь колясок московитов, одетых по-французски» въехали в Рим вечером 8 декабря («7 calessi de Moscoviti, i quali si sono rivestiti alla francese») [Шмурло, с. 321, № 430]. К счастью, мы знаем приехавших поименно. Между 18 и 29 ноября иеромонах Тарасий Коплонский встретил их на пути между Неаполем и Бари: «В дороге виделся с столники с князь Дмитрием да с Петром Голицыными, с Васильем да с Володимером Шереметевыми, с Аврамом Лопухиным, с Михайлом Ртищевым, с князь Яковом Лобановым» [Плохинский, с. 292; по поводу датировки этой встречи см. с. 295–296]. Следовательно, брат царицы Евдокии Лопухиной приехать к Голицыным в Рим не мог, ибо уже находился вместе с ними. «Царским родственником», упомянутым в газете от 28 декабря 1697 г., который поразил наблюдателей своим важным видом, по-видимому, являлся Б. И. Куракин, свояк Петра I, муж сестры Авраама и Евдокии Лопухиных Ксении. О том, что он побывал в Риме около этого времени, известно из его собственных записок [Куракин, с. 255]. На Франкфуртской ярмарке той же зимой распространялось известие о нахождении среди «московитов», посетивших Рим, наряду с «сыном князя Голицына и братом генерала Шереметева» также «двух царских родственников»⁶.

Сразу ответить на вопрос у Алессандро Гваскони не получилось. Он писал во Флоренцию, что все русские синьоры разъехались из Венеции в плавание и путешествия по Италии. В городе осталось только некоторое число их слуг. Потому выяснить, что за человек был принят Козимо III, пока не представляется возможным. Гваскони обещает разузнать это при первой возможности⁷. Пока суд да дело, Бассетти успевает поделиться новостью о следующей группе русских, прибывших ко двору их государя. Устанавливать их личности секретарь Бассетти не просит, а только сообщает о том, сколь удивительными ему показались их благовоспитанность и кротость, кои

⁶ «Darunter zwey vornehme Verwandten des Czaar» (Relationis historicae semestralis vernalis continuatio. Jacobi Franci Historische Beschreibung der denckwürdigsten Geschichten... vor und zwischen jüngst-verflossener Franckfurter Herbst-Meß, 1697. biß an die Oster-Meß dieses lauffenden 1698. Jahrs... Franckfurt am Mayn, 1698, S. 30).

⁷ ASFi, MdP, 1581, f. 638r.

он приписывает «воздействию наблюдения обычаев самой просвещенной (части) Европы»⁸.

Две недели спустя Гваскони наконец дает ответ: «У сказанного князя Петра (Алексеевича Голицына) я разузнал о тех самых русских синьорах, побывавших у вас в последние недели. Господин, одетый на польский лад, в светлом парике, — это синьор Андрей Петрович Измайлов. Другие — три его брата и еще один их свойственник. В Венецию они пока не вернулись. Эти синьоры — важные господа»⁹. Видимо, подразумевается: «важные господа», но при этом не члены царской фамилии. Согласно «Запискам Великой особы», их составитель побывал во Флоренции с 27 по 29 мая 1698 г., то есть 6–8 июня по григорианскому календарю. Секретарь Бассетти писал своему венецианскому корреспонденту раз в неделю, и ближайшими датами написания писем были 7 и 14 июня. Письмо Бассетти с вопросом о таинственных гостях великого герцога было датировано 14 июня 1698 г. По датам все сходится безупречно.

Тем не менее, возможно, П. А. Голицын ошибся, и лучше поверить загадочной надписи на конверте с именами братьев Милославских. На это указывают подробности пути. Автор «Записок Великой особы» двигался из Венеции через Болонью во Флоренцию и далее в Рим и южнее Фраскати не ездил, тогда как неизвестные гости, привлечшие внимание Козимо III, как уже сказано, путешествовали по маршруту: Мальта — Неаполь (с заездом в Бари) — Рим — Флоренция. Далее, в письме Бассетти говорится о трех дворянах, что отвечает числу Милославских, тогда как П. А. Голицын сообщает о пяти (кто был свойственник Измайловых, путешествовавший пятым в их компании, сказать не берусь).

Весьма резонансным и похожим в ряде других деталей было посещение Милославскими Рима осенью 1697 г. Впрочем, обилие документов, освещающих это событие¹⁰, может объясняться тем, что из числа «навигаторов»

⁸ «Di tal Nazione abbiamo qui un'altra Brigata, che presto ci lascia, e si fa conoscere per molto docile, e di tratto civilissimo, e discreto tutti effetti della osservazione fatta ai Costumi dell'Europa più culta» (ASFi, MdP, 1608, f. 1003r).

⁹ ASFi, MdP, 1581, f. 642r.

¹⁰ [Шмурло, с. 312–315, 316, 317–318, № 411–414, 416, 420]; три рукописные газеты из Рима от 9, 12 и 16 ноября 1697 г. (ASFi, MdP, 3963 (без пагинации)); письмо Аполлонии Бассетти к Алессандро Гваскони из Флоренции от 23 ноября 1697 г. (ASFi, MdP, 1608, f. 911v); [Avisi italiani]: Il corriere ordinario. 1697. № 95, 27. nov. (сообщение из Рима от 9 ноября); № 97, 4. dec. (сообщение из Рима от 16 ноября; сообщение из Венеции от 23 ноября); № 99, 11. dec. (сообщение из Рима от 23 ноября); № 101, 18. dec. (сообщение из Генуи от 30 ноября).

Милославские оказались там первыми. Вышло это скорее случайно. В конце сентября находившиеся в Венеции русские дворяне на многих кораблях, нанятых для обучения, вышли в плавание по Адриатике. По сообщению одной из рукописных газет, петровские «навигаторы» желали достичь Апулии, где находилось прославленное святилище св. Николая в Бари, «и некоторые из них собирались отправиться (оттуда) в Рим» [Шмурло, с. 301, № 393]. Выясняется также, что пятеро из них продумали последующий маршрут и позаботились о получении проезжих паспортов у великого герцога Тосканского. Вместе со «свитой, переводчиками, слугами», сопровождавшим их наставником «космографом Коронелли» приезжих ожидалось около тридцати человек¹¹.

Первоначальным намерением братьев Милославских в начале осени 1697 г. было достичь морем Бари, откуда они хотели ехать в Неаполь и после в Рим. Жестокий шторм вынудил их высадиться в Анконе. Согласно одному свидетельству, всего на берег тогда сошло около 60 русских. Большинство предпочло вернуться в Венецию. Имена троих дворян из этого числа удается установить. Иеромонах Тарасий, говоря о своем проезде около этого времени через Анкону, сообщает: «И под тем городом у пристани корабельной был (...) на корабле у стольников у Михайла Хилкова з братьями (Юрием и Андреем)» [Плохинский, с. 292]. Три брата Милославских, завернув в Лорето, отправились в Рим. Их сопровождали восемь слуг. По другим данным, «московитов», достигших Рима, было больше — тринадцать или даже около двадцати человек. Известно, что к русским присоединилось несколько итальянцев: один венецианец, без большого успеха пытавшийся играть роль переводчика; по крайней мере, один «возчик, который привез их из Анконы в Рим», выступивший там информатором. Впрочем, колясок было три. Могло быть больше и нанятых итальянцев. Вероятно, свита выглядела солидной.

Братья прибыли в Рим вечером 5 ноября 1697 г. и оставались до утра 16 ноября. Больше всего подробностей, которые кажутся наиболее достоверными, приведены в записке губернатора Рима, адресованной папскому домоправителю. Вместе с тем факты у него перепутаны, и местами его требуется исправлять. Он сообщает о Милославских: «Они разодеты, как янычары, в огромных польских шапках на головах» («sono superbamente vestiti alla giannizzera, col berettone polacco in testa»). Следующая информация передана неточно, но при этом крайне любопытна. Буквально написано так: «Это два брата (хотя выше говорилось о «трех настоящих синьорах»), один из которых является монахом (другой перевод: священником). Он должен

¹¹ ASFi, MdP, 3048, f. 219r.–220r.

получить («havegà») власть над огромной провинцией, способной выставить в поход 40 тысяч воинов. Сказанных братьев, которые на одно лицо, зовут...» И дальше автор записки, снова, кажется, позабыв, что только что говорил о двух братьях, называет по именам всех трех, включая двоюродного. В этой цитате отметим два момента. Конечно, никто из Милославских священником или монахом не был, но некий священник, как и потом во Флоренции, возможно, находился при них. Наблюдатели в Риме отмечают их коленопреклоненные молитвы перед усыпанной драгоценностями иконой, которую они привезли с собой, и то, что они «не выпускали из рук некую книгу», судя по контексту, благочестивого или богослужебного содержания. Что касается огромной провинции, обладать которой будто бы было суждено одному из Милославских, остается подумать, что такими рассказами они желали прибавить себе веса.

Из Рима Милославские в тот раз уже не поехали на юг, а отправились во Флоренцию и, вероятно, в порт Ливорно, ибо, по сообщению одной из газет, их ожидали в Генуе. Весной следующего года они могли задаться целью осуществить свое старое намерение побывать в Бари и Неаполе, откуда могли возвращаться проездом через Флоренцию.

Если гостями правителя Флоренции, о которых он справлялся, были все же Милославские, то что в таком случае остается на долю братьев Измайловых? Гипотезе Д. Ю. Гузевича по поводу авторства «Записок Великой особы» косвенно служит ряд деталей. Если П. А. Голицын и за ним А. Гваскони утверждают, что в путешествии по Италии братьев было четверо, видимо, это значит, что к трем Измайловым, посланным Петром в Венецию, в самом деле успел приехать из Голландии их брат Алексей. Другое косвенное подтверждение возможного авторства Алексея Петровича — неожиданное появление имен его братьев Андрея и Ивана Измайловых среди расписавшихся в альбоме амстердамского анатома Ф. Рёйса, или Рюйша. Очевидно, те возвращались на родину несколько необычным путем — через Амстердам. Но именно так описана дорога из Венеции в Россию в интересующих нас «Записках Великой особы»! Наконец, существует газета с известиями из Рима от 14 июня 1698 г., где говорится о приезде в Рим пяти неизвестных «москвитов» [Шмурло, с. 376, № 517]. В «Записках Великой особы» приезд в Рим датирован 3 июня, то есть 13 июня по новому стилю. Достаточно очевидно, что автор записок находился среди этой группы приехавших, которые могут быть упомянутыми П. А. Голицыным четырьмя братьями Измайловыми «и одним их свойственником». В этой связи можно остановиться на формулировке: Алексей Петрович Измайлов выглядит правдоподобным кандидатом на роль безымянного сочинителя.

* * *

Дневник стольника П. А. Толстого и «Записки Великой особы» образуют поистине загадочную пару. Два травелога, написанные людьми одного круга, поставленными в одни обстоятельства, являют собой две ярчайшие противоположности в восприятии европейской культуры.

Путевые записки П. А. Толстого демонстрируют удивительные примеры понимания самых рафинированных сторон европейской культуры. Так, в рассказе о посещении некоего римского дворца П. А. Толстой мимоходом называет несколько увиденных там античных статуй, и мы с изумлением догадываемся, что царский стольник безупречно указывает на главные шедевры коллекции Фарнезе. В наши дни большая часть этого замечательного собрания находится в Неаполе, а тогда оно располагалось в предназначенной для него галерее римского палаццо Фарнезе, о котором, следовательно, и идет речь. Из Рима П. А. Толстой едет во Флоренцию, и первое, что он видит, выйдя из гостиницы, — шедевр Лоренцо Гиберти, бронзовые двери баптистерия Сан-Джованни, отправной памятник флорентийского Возрождения, проложивший дорогу целой художественной эпохе.

Одну из первых записей «Великой особы», посвященных ее пребыванию в Амстердаме, где говорится о слоне, который «стрелял из мушкета (...) и имеет симпатию с собакой», М. М. Богословский соотносит с информацией о демонстрации ученого слона «великим и полномочным послам» в резиденции Ост-Индской компании 21 сентября 1697 г. ([Богословский, с. 177], со ссылкой: [ПДС 1867, стб. 942]). Автор «Записок Великой особы» пишет о своем активном участии в работе Великого посольства со времен приезда последнего в Гаагу, однако, как выясняется, он действовал в свите великих послов еще раньше. «Хотя программа пребывания Великого посольства включала посещение всех тогдашних достопримечательностей, — комментирует начало наших путевых записок Ф. Оттен, — показу культурных достопримечательностей (на страницах дневника) отводится лишь маргинальное место (gerät die Wiedergabe der kulturellen Höhepunkte (...) recht marginal). Так, о посещении театральной постановки, которая в условиях кальвинистской Голландии являлась особым жестом в адрес русских гостей, автор говорит столь лаконично, что мы остаемся в совершенном неведении относительно как самой пьесы, так и впечатления, которое она произвела» [Otten 1991, S. 565].

В нашем литературоведении за автором «Записок Великой особы» закрепились репутация человека невежественного и безразличного, который

не мог или не хотел отличить заслуживающее внимания «от фокусов и пустяков». По словам А. Н. Пыпина, его заметки об увиденном «поражают своей первобытностью» [Пыпин, с. 250]. На самом деле, похоже, писатель довольно последовательно идет за определенным стереотипом удивительного, диктующим выбор объектов описания. Этот стереотип связан с народной культурой и ярмаркой. В число удивительных вещей попадают чисто ярмарочные персонажи и темы: акробаты и канатоходцы, всевозможные уроды и монстры, говорящая деревянная голова и т. д. Как удивительное и достойное упоминания воспринимается им все огромное: бочка, куда помещается сто бочек, конская грива размером в одиннадцать сажень (приписка: «мерил сам») и т. п. С неподдельным интересом сочинитель описывает разнообразие забав в публичных домах Амстердама, также не чуждых атмосферы народного праздника с его танцами и застольями.

Оговоримся, что ярмарочной эстетикой бывает увлечен и П. А. Толстой, а под конец «Записок Великой особы» заметно возросшее внимание автора к скульптуре. Возможно даже, что здесь не обошлось без влияния П. А. Толстого и его дневника. Так, развернутые описания нимфея виллы Алдобрандини во Фраскати в тех и других путевых записках не идентичны, но похожи. Следующие затем картины «монумента четырех мавров» в Ливорно и фонтана Нептуна в Генуе, впрочем, явно оригинальны, ибо П. А. Толстой в этих городах не бывал. Все три упомянутых описания больших скульптурных композиций во Фраскати, Ливорно и Генуе, между прочим, содержат указания на детали, которых теперь нет и которые, очевидно, могут быть интересны будущим реставраторам, если те пожелают вернуть трем замечательным памятникам XVII в. их первоначальный вид. Еще занимательнее история восковой статуи бранденбургского курфюрста Фридриха III, будущего первого прусского короля. Составитель «Записок Великой особы» видел ее в Берлине в феврале 1699 г. (еще один русский путешественник А. А. Матвеев — в ноябре того же года), то есть за два года до предполагавшейся ранее даты ее создания [Otten 1988]. Одних этих подробностей достаточно, чтобы заподозрить неладное. Под конец своих записок неизвестный автор может уже не показаться спустившимся с Рифейских гор примитивом. Начало и конец памятника, кажется, лучше трактовать по отдельности.

Факты разного отношения к европейской культуре не стоит толковать расширительно, как указание на существование среди царских стольников разных культурных ориентаций и человеческих типов. Если первое бесспорно, то второе — рискованная гипотеза. От нее полшага до ложной картины Петровских реформ, «социальная база» которых покажется в таком случае

необыкновенно узкой, ограниченной горстью сподвижников, «птенцов гнезда Петрова», действовавших посреди неподвижной русской жизни, а сами преобразования — насилием и чудом.

Нас путают две вещи. Первая — вера в причины, будто бы лежащие в основе человеческих поступков и вызывающие их, подобно машине, совершающей определенное действие. Но таких жестких механизмов в человеческом поведении не существует. Если бы они были, остроумно замечает Витгенштейн, мы могли бы угадывать будущее [Wittgenstein, S. 48]. Парадокс социальной жизни состоит в том, что действие в социальном мире может быть в достаточной мере свободным, вбирать в себя разные мотивы и иметь неожиданные объяснения. Великий ученый, яснее других описавший этот факт, подает разумный совет «не выдавать за принцип практики агентов теорию, призванную ее рационально объяснить» [Bourdieu, p. 76]. Другое распространенное суеверие — завышенные ожидания по поводу роли личности. Мы ждем, что человек, совершая действие, в первую очередь «проявит себя». А на деле практически любой поступок в социальном мире является взаимодействием с другими людьми и сопряжен с ожиданиями ответных действий со стороны других лиц. Чистых проявлений опыта и ценностей, с помощью которых можно было бы заглядывать в души, не существует, а есть только их преломления через призму социального. Тут хуже всего то, что мы смутно представляем себе ту самую призму: коммуникативные ситуации, где звучит то или иное высказывание, которое мы пытаемся оценивать.

Остаются аналогии, способные вооружить нас если не знаниями, то хотя бы догадками. Уделим внимание другим примерам непринятия нашими соотечественниками отдельных сторон западной культуры, имевшим место в ходе Великого посольства и связанных с ним выездов русских дворян за границу. Их на удивление мало. Один такой случай я уже упомянул. Отправленный царем в Венецию «навигатор» Ю. Ю. Трубецкой заставил тосканский двор сомневаться в своем княжеском титуле, поскольку повел себя во Флоренции как хам и грубиян. Агент Алессандро Гваскони подтверждал, что и в Венеции он проявил себя похожим образом. После такой рекомендации удивительно будет узнать следующее: по словам голландского путешественника Корнелиса де Брейна, долгое время жившего в Италии, 14 января 1702 г. в Немецкой слободе он беседовал с Ю. Ю. Трубецким на итальянском языке, «который тот понимал довольно хорошо» («die dezelve tamelyk wel verstondt») [Cornelis de Bruins Reizen over Moskovie, p. 22].

Кажется, понятно, что именно Ю. Ю. Трубецкой натворил в Венеции. Выбор невелик. Источники описывают всего один эпизод, который можно

трактовать как открытый конфликт царских стольников с венецианцами. А вернее — венецианками. Одна версия произошедшего изложена в рукописной газете, приложенной к письму папского нунция в Венеции Кузано кардиналу Спада от 3 августа 1697 г.: «Господин кавалер и прокуратор Соранцо устроил днями банкет для главных из этих московитов (...). И полагают, что он устроит для них еще один банкет и праздничный бал, дабы загладить обиду, нанесенную одному из них в Ка Корнер, где одна дама отказалась с ним танцевать, сославшись на то, что она не понимает ни их музыки, ни того, как он танцует» [Шмурло, с. 290, № 370].

Флорентийский агент Маттео дель Телья 27 июля доносил эту историю иначе: «Вчера вечером в Ка Корнер были торжества при большом стечении знати, куда привели несколько из этих главных московитов. Один из них принялся играть на клавесине в зале, где между кавалерами и дамами происходили танцы. Другой взял за руку госпожу прокураторшу Мочениго, именную Мочениго Жемчугов, желая танцевать с ней. Та его отвергла, и он, чрезвычайно оскорбившись, громко сетовал на ее отказ, вызвав разговоры среди собравшихся. Разочарованный произошедшим, он со своей свитой уже собирался уйти, но вмешались разные кавалеры, которые его удержали и успокоили, приведя его обратно в главную залу, где были дамы и продолжался бал. Прокураторша Соранцо пригласила его на танец, московит ей отказал, отомстив по-московски (*vendicandosi alla Moscovita*), и удалился с праздника, ход которого был нарушен внезапным ливнем и сильнейшим ветром, повалившим на землю все машины, приготовленные для иллюминации и фейерверка»¹².

Безымянный «московит», в ком мы угадываем Ю. Ю. Трубецкого, нашел с кем ссориться. «Мочениго Жемчугов» (когномен «*delle perle*» указывает на фамильные драгоценности, бывшие женскими украшениями), Лукреция Басадонна, жена Джироламо Мочениго, занимавшего почетную должность прокуратора собора св. Марка, была одной из легендарных красавиц и роковых женщин Венеции, кружившей головы королям. Кажется, рассказанная история нашла отклик на страницах путевого дневника П. А. Толстого. Он описывает две ситуации, в которых венецианки, по его мнению, подают и не подают руку мужчине. Взять мужчину за руку к лицу куртизанке: «Многие девицы берут в маскарах (*maschera* — маска, *ит.*) за руки иноземцов приезжих, и гуляют с ними, и забавляются без стыда». Но тут же П. А. Толстой прибавляет с издевкой по поводу венецианских танцев, которые кажутся ему нескладными: «Скачут один против другога вокруг, а за руки не берут

¹² ASFi, MdP, 3048, f. 168r.-v.

друг друга» [Толстой, с. 106]. В этом вопросе он на стороне своего неизвестного товарища. Маттео дель Телья систематически пишет о «московитах» заметно злее других. Возможно, и в этом своем рассказе он сгущает краски. Автор же новостного листка изображает русского пострадавшим лицом и приписывает тот же снисходительный взгляд и желание сгладить ситуацию мужу отвергнутой прокураторши Соранцо. Одним словом, большой ясности в этой истории нет.

Фигура Петра I убеждает в том, какой может быть правильная интерпретация нашего материала. На кого из героев нашего повествования царь больше всего похож? По крайней мере, в эти годы в нем отнюдь не видно той тяги к вершинам западноевропейского искусства, которая так удивляет в путевых записках П. А. Толстого. Его взгляд на Европу времен Великого посольства, наверное, больше напоминает «Записки Великой особы». Для царя Запад если не ярмарка, то большая кунсткамера со множеством раритетов. Снова употребим выражение «стереотип удивительного». Взгляд царя не всегда, но часто хочется назвать зашоренным. Но начать разговор о Петре лучше с материала, который служит необходимым дополнением к сказанному. Недоразумение на балу в венецианском дворце Ка Корнер 26 июля 1697 г. нельзя не сопоставить с сообщениями о русских плясках под русскую музыку, которыми окончилось знаменитое свидание Петра I с курфюрстиной Софьей Ганноверской, ее дочерью курфюрстиной Бранденбургской Софьей-Шарлоттой и другими их родственниками в немецком замке Коппенбрюгге в ночь с 6 на 7 августа. Два эти события разделяют всего одиннадцать дней! Ту и другую сцену можно смело отнести к первым опытам встречи с Западом. Едва оказавшись в Европе, «московиты» еще только решают, как себя вести, путем проб и ошибок ищут уместные формы поведения. (Правда, в эту шадящую интерпретацию плохо укладывается скандал, устроенный Ю. Ю. Трубецким во Флоренции, ибо он случился осенью следующего года, накануне отъезда «навигаторов» на родину.)

Счет источников о встрече в Коппенбрюгге идет на десятки, и продолжают находиться новые. М. М. Богословский некогда недоумевал: если Софью-Шарлотту Бранденбургскую так интересовал русский царь, то почему она не встретила с ним вместе со своим мужем курфюрстом Фридрихом в Кенигсберге, а уехала к матери в Ганновер? [Богословский, с. 113 и след.] Только сейчас выясняется, что курфюрстина в тот раз поспешила на премьеру оперы итальянского композитора Луиджи Манча¹³. Он же был и певцом, и его могли взять на свидание с царем в Коппенбрюгге. Софья-

¹³ ASFi, MdP, 3048, f. 197r.–198v.; рус. пер.: [Дубровский 2023b].

Шарлотта первым делом попыталась поделиться с русскими гостями собственным увлечением — итальянскими певцами. Толстый русский посол, танцевавший в тот вечер с ее матерью, Ф. А. Головин, возможно желая проявить учтивость, позднее спрашивал, нельзя ли ему получить ноты исполненных тогда итальянских арий [Leibniz, S. 386–387, № 235]. В деле передачи нот приняли участие такие величины, как Лейбниц и создатель первой русской грамматики Вильгельм Лудольф. В письме от 18 октября 1697 г. из Гааги Лудольф сообщал Лейбницу: «Итальянские арии, которые вы мне послали, я вручил сказанному послу лично в руки. Он был чрезвычайно рад и нижайше благодарит за них госпожу курфюрстину». При этом он был так любезен, что тут же «кликнул их музыкантов, чтобы те их исполнили, но музыканты попросили время до завтрашнего дня» [Leibniz, S. 614, № 357]. Мнение о Ф. А. Головине составилось самое лестное. Лейбниц писал о нем Софье-Шарлотте Бранденбургской: «Он слывет одним из самых приличных людей среди своих соотечественников» («il passé pour un des plus honnestes hommes de sa nation»). В другой раз: «Что до московитов, рассказывают, что толстый комиссар самый развитый и умный у них» («le gros commissaire est le plus spirituel et le plus intelligent qu'ils ayent») [Leibniz, S. 771, 868, № 440, 488]. Софья Ганноверская в знаменитом письме жене своего племянника рауграфине Луизе Пфальцской от 11 августа описывала реакцию царя Петра на итальянских певцов: «Ему понравилось, но он сказал, что музыка не сильно ему нужна» («sagte aber, er fragte nicht viel nach die Musik»)[Bodemann, S. 161, № 169].

Существуют картины танцев в Коппенбрюгге, рисующие «московитов» насильниками и дикарями. По словам новостного листка, приложенного к донесению датского посланника Отто фон Менкена, во все время застолья и танцев «московиты» не давали герцогиням и никому другому посещать уборные, заставляя несчастных дам справлять нужду в окна или где придется, закрывшись юбками фрейлин. Якобы курфюрстине Софье-Шарлотте Бранденбургской пришлось из-за этого опустошить желудок посреди танцевальной залы в плотном кольце дам. Такие новости достигали ушей датского короля. Немецкий исследователь Вальтер Медигер отказывает этой истории в достоверности, усматривая в ней клевету соседнего Вольфенбюттельского двора [Mediger]. В наиболее правдоподобных сообщениях о танцах русские, мало сказать, ничего не навязывают, а кажется, наоборот, с трудом дают себя уговорить.

Подробностей об устройстве танцев, впрочем, вообще сохранилось не так много, и если нас интересуют аналогии, то лучше эти подробности перечислить. Софья-Шарлотта Бранденбургская уверяла одного из своих

корреспондентов, что инициатива исходила от нее. Ей хотелось узнать, как русский царь танцует, и она попросила Лефорта, игравшего роль переводчика, послать за русскими музыкантами. «(Петр) не хотел начинать, — общается она дальше, — не увидев прежде, как танцуем мы. Что мы и сделали, дабы доставить ему удовольствие». Потом царь не начинал танцевать, ибо во всем обозе не могли найти ему перчатки, требовавшиеся для танца¹⁴. Впрочем, другое свидетельство убеждает в том, что русские танцы все же предполагали определенные касания. «Московиты» удивлялись «чертовски твердым костям» немок, принимая за ребра их корсеты [Vodemann, S. 162, № 170].

Что касается русских музыкантов, документы о свидании в Коппенбюрге упоминают «скрипачей», хотя встречается и уточнение: «двух скрипачей с такими инструментами, которыми пользуются в их стране» («due sonatori di violino all'uso del proprio Paese»)¹⁵. При этом, как мы помним из истории с нотами, эти музыканты, бывшие в свите Великого посольства, очевидно, знали европейское нотное письмо и за день собирались разучить несколько итальянских пьес. По словам другого процитированного документа, в венецианском дворце Ка Корнер некий «московит» якобы сел аккомпанировать танцующим на клавесине (или чембало, «si pose a sonare il Cimbalo»). Кастрат Филиппо Балатри, полтора года спустя привезенный в Россию «навигатором» П. А. Голицыным, правда, уверял, «что в Москве не сыщешь ни чембало, ни спинета» («non si trovan gravicimbali né spinette», разновидности клавесина). «А есть разве что портативные органы. Они имеются во многих домах, но годны для одних танцев». В другой раз он записывает: «Для танцев им служат органы и скрипки, и редко в каком господском доме нет органа». Клавесин, нужный Балатри для аккомпанемента, тогда все-таки нашелся в доме Анны Монс [Balatri, p. 43, 114].

От переписки Софьи Ганноверской и ее не менее знаменитой племянницы Лизелотты — жены герцога Орлеанского Елизаветы Шарлотты Пфальцской — до нас дошли лишь письма последней. Вальтер Медигер свидетельствует: «Они отражают также содержание и настроение многочисленных писем Софьи своей племяннице, которые по бьющему через край избытку откровенности, неприукрашенных известий, тонких наблюдений и мыслей должны быть отнесены к числу лучшего и самого личного из на-

¹⁴ [Erman, p. 117]. Приведенное здесь письмо Софии-Шарлотты Бранденбургской тайному советнику Паулю фон Фуксу имеет ошибочную дату 17 июля.

¹⁵ См. примеч. 13.

писанного курфюрстиной. Хотя они утрачены, по ответным письмам Лизелотты до известной степени их можно реконструировать. Тем самым корпус высказываний Софьи, дошедших до нас непосредственно, получает важное приложение и дополнение». Всего это ни много ни мало «24 внушительных тома корреспонденции», хранящихся в архиве, который теперь называется: Niedersächsisches Landesarchiv, Abteilung Hannover. «Хотя письма эти публиковались Эдуардом Бодеманном в 1891 году, это была лишь сравнительно ограниченная подборка, в которой отсутствуют как раз те места, которые наиболее важны для нашего исследования (то есть опущены места, где говорится о России и Петре I. — *И. Д.*). Для культурной и интеллектуальной истории конца XVII и начала XVIII столетия они представляют собой бесценную сокровищницу, которая далеко не исчерпана» [Mediger, S. 126–127].

В. Медигер цитирует письмо Лизелотты от 22 августа 1697 г., где продолжается обсуждение свидания в Коппенбрюгге и, в частности, таких подробностей: «Мне удивительно, что царевич Имеретинский (сопровождавший Петра в Великом посольстве. — *И. Д.*) лучше умеет себя вести и более воспитан, нежели сам царь» («mehr *politesse* alß der Czaar hatt»). Можно подумать, заключает она, что грузины набрались учтивости от соседствующих с ними китайцев [Mediger, S. 130]. Самыми поразительными свидетельствами из переписки Софьи Ганноверской и ее родни, на мой взгляд, являются те, где царь Петр противопоставляется своим подданным как человек, отставший от них в культурном развитии. Женщина замечает, что многие русские лучше воспитаны и ведут себя приличнее, чем их царь. Особенно одиозной представлялась его привычка ковырять в носу и сморкаться пальцами так, что содержимое его носа быстро оказывалось на камзолах окружающих. В письме Софьи Ганноверской ее внучке наследной принцессе Прусской Софье Доротее от 15 ноября 1711 г. читаем: «Сморкаться рукой царь, вероятно, привык в Голландии, ⟨переняв эту манеру⟩ от матросов, ибо другие русские, путешествовавшие ⟨по Европе⟩, этого не делают». И к этому следует обескураживающий комментарий: «Будучи важным лицом, он привык делать то, что ему заблагорассудится» [Schnath, S. 222, № 311]. Еще раз в письме ей же от 19 октября 1712 г.: «Что касается его манер, он, по-видимому, считает себя правителем достаточно великим, чтобы следовать своим прихотям, не заботясь о том, что о нем говорят» [Schnath, S. 244, № 341]. Для нас это ключевая мысль. Тут нам является та самая социальная подоплека поведения, которая способна скорректировать и перевесить любые абстрактные идеалы. Нарочитое бескультурье может выступать заявкой на статус, и отказ воспринимать чужой культурный опыт — формой

отстаивания своего человеческого лица. Не здесь ли нам надо подозревать мотивы скандалиста-неудачника Ю. Ю. Трубецкого и объяснение необыкновенной зашоренности неизвестного автора «Записок Великой особы»?

Заметим и то, что сказанное не мешает курфюрстине Софье Ганноверской восхищаться Петром как великим человеком. В письме внучке Софье Доротее от 27 ноября 1711 г. бабушка советует ее мужу прусскому кронпринцу Фридриху Вильгельму брать пример с царя Петра I в следующих выражениях: «Я, впрочем, не сомневалась, что кронпринц сочтет царя очень умным человеком. Царь не утруждает себя тем, чтобы быть благовоспитанным или гнаться за модой, но он справедлив и добросердечен (...) Думаю, если бы французский король тоже сморкался пальцами, все немецкие князья делали бы то же самое, дабы быть à la mode» [Schnath, S. 223, № 312].

Литература

- Алексеев — Алексеев А. И. К изучению исторического нарратива петровского времени: «Журнал шествия» в фондах Отдела рукописей РНБ // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 5. С. 217–224.
- Богословский — Богословский М. М. Петр I: Материалы для биографии. М.: Соцэкгиз, 1941. Т. 2: Первое заграничное путешествие. 623 с.
- Буланин — Буланин Д. М. Апраксин Андрей Матвеевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Вып. 3: (XVII в.), ч. 4: Т—Я. С. 321–324.
- Вознесенская — Вознесенская И. А. «Журнал о шествии в европейские края» в рукописной традиции XVIII в. (по рукописям из собрания БАН) // Коллекции рукописных книг в современном мире: хранение и изучение: Сб. ст. по итогам междунар. науч. конф. «Двенадцатые Загребинские чтения» (5–6 окт. 2017 г.). СПб.: РНБ, 2018. С. 151–163.
- Вознесенская, Базарова — Вознесенская И. А., Базарова Т. А. Петровское время в рукописной традиции // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 4 (97). С. 9–19.
- Гузевич 2012 — Гузевич Д. Ю. Путевые записки Великой особы (1697–1699): критическая история публикаций и проблема авторства. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. 215 с.
- Гузевич 2022 — Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Еще раз о путевом журнале А. П. Измайлова («Великой особы»), или А в том ли жанре? // Труды Государственного Эрмитажа. СПб.: [б. и.], 2022. Т. 114. С. 121–135.
- Дубровский 2023а — Дубровский И. В. Новые данные о судьбе князя А. П. Прозоровского и повесть о Василии Кариотском // ТОДРЛ. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2023. Т. 70. С. 263–277.
- Дубровский 2023б — Дубровский И. В. Несколько описаний Петра I времен Великого посольства // Ежегодник Государственного архива Российской Федерации:

- публикации, исследования, рецензии / Гл. ред. С. В. Мироненко. М.: [б. и.], 2023. С. 13–30.
- Записная книжка — Записная книжка любопытных замечаний великой особы, странствовавшей под именем дворянина российского посольства в 1697 и 1698 году. СПб.: Тип. Богдановича, 1788. 50 с.
- Куракин — Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная // Архив князя Ф. А. Куракина. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1890. Кн. 1. С. 243–287.
- ПДС 1867 — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1867. Т. 8. [7] с., 1416, 164 стб.
- ПДС 1868 — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1868. Т. 9. [6] с., 1230 стб.
- Платонов — *Платонов С. Ф.* Б. И. Куракин и А. П. Прозоровский (1697–1720) // Доклады АН СССР. Сер. В. 1929. № 12. С. 236–237.
- Плохинский — *Плохинский М. М.* Путешествие иеромонаха Тарасия Коплонского в Италию в конце XVII столетия // Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1896. Т. 8. С. 289–296.
- Пыпин — *Пыпин А. Н.* История русской литературы. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. Т. 3. X, 535 с.
- Толстой — Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе, 1697–1699 / Изд. подгот. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М.: Наука, 1992. 380 с.
- Шмурло — Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого / Собрал Е. Ф. Шмурло. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1903. XLVI, 728 с.
- Avisi italiani — Avisi italiani, ordinarii e straordinarii, dell'anno 1697. Vienna, [s. a.].
- Balatri — *Balatri F.* Vita e viaggi / A cura di M. Di Salvo. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2020. 746 p.
- Bodemann — Briefe der Kurfürstin Sophie von Hannover an die Raugräfinnen und Raugrafen zu Pfalz / Hrsg. E. Bodemann. Leipzig: Hirzel, 1888. XXVI, 355 S.
- Bourdieu — *Bourdieu P.* Choses dites. Paris: Éd. de Minuit, 1987. 231 p.
- Cornelis de Bruins Reizen over Moskovie — *Bruins C. de.* Reizen over Moskovie door Persie en Indie... t'Amsterdam: Gedrukt voor den Auteur, Door Willem en David Goeree, 1711. [12], 472, [12] p.
- Di Salvo — *Di Salvo M.* Vita e Viaggi di Filippo Balatri (preliminari all'edizione del testo) // Russica Romana. 1999. Т. 6. P. 37–57.
- Erman — *Erman J. P.* Mémoires pour servir à l'histoire de Sophie Charlotte, Reine de Prusse. Berlin: G. F. Starcke, 1801. 329 p.
- Leibniz — *Leibniz G. W.* Sämtliche Schriften und Briefe. Erste Reihe. Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Berlin: Akademie-Verlag, 1993. Bd. 14. LX, 1021 S.
- Mediger — *Mediger W.* Die Begegnung Peters des Großen und der Kurfürstin Sophie von Hannover in der Darstellung A. N. Tolstoj's // Niedersächsisches Jahrbuch für Landesgeschichte. 1954. Bd. 26. S. 137–143.
- Otten 1984a — *Otten F.* Reiseberichte der Petrinischen Zeit als linguistische Quelle («Dnevnik» — 1697/99) // Zeitschrift für slavische Philologie. 1984. Bd. 44, Hf. 2. S. 354–414.

- Otten 1984b — *Otten F.* Anmerkungen zu italienischen Lehnwörtern der Petrinischen Epoche // *Die Welt der Slaven*. 1984. Bd. 29. S. 250–267.
- Otten 1985 — *Otten F.* Der Reisebericht eines anonymen Russen über seine Reise nach Westeuropa im Zeitraum 1697/1699. Zum Autor und zur Sprache des Reiseberichtes. Berlin; Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1985. 79 S.
- Otten 1988 — *Otten F.* Neue Quellen zur Datierung einer Wachsfigur Friedrichs I. // *Zeitschrift des deutschen Vereins für Kunstwissenschaft*. 1988. Bd. 42, Hf. 2. S. 77–81.
- Otten 1991 — *Otten F.* Zur linguistischen und kulturhistorischen Bedeutung russischer Reiseberichte der Petrinischen Zeit // *Zeitschrift für Slawistik*. 1991. Bd. 36, Hf. 4. S. 564–579.
- Schnath — Briefwechsel der Kurfürstin Sophie von Hannover mit dem preußischen Königshause / Hrsg. G. Schnath. Berlin; Leipzig: K. F. Koehler, 1927. XXI, 331 S.
- Wittgenstein — *Wittgenstein L.* Werkausgabe. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984. Bd. 1. 621 S.

References

- Alekseev, A. I. (2021). 'K izucheniyu istoricheskogo narrativa Petrovskogo vremeni. «Zhurnal shestviya» v fondakh Otdela rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki', *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. Vol. 26, 5, 217–224.
- Avisi italiani, ordinarii e straordinarii, dell'anno 1697*. [s. a.].Vienna.
- Balatri, F. (2020). *Vita e viaggi*, a cura di M. Di Salvo. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 746 p.
- Bodemann, E., hrsg. (1888). *Briefe der Kurfürstin Sophie von Hannover an die Raugräfinnen und Raugrafen zu Pfalz*. Leipzig: Hirzel, XXVI, 355 S.
- Bogoslovskii, M. M. (1941). *Petr I. Materialy dlya biografii*. Moscow: Sotsekgiz. Vol. 2: Pervoe zagranichnoe puteshestvie, 623 p.
- Bourdieu, P. (1987). *Choses dites*. Paris: Éd. de Minuit, 231 p.
- Bruins, C. de (1711). *Reizen over Moskovie door Persie en Indie...* [Amsterdam: Gedrukt voor den Auteur, Door Willem en David Goeree, [12], 472, [12] p.
- Bulanin, D. M. (2004). 'Apraksin Andrei Matveevich', in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Vypusk 3, chast' 4. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 321–324.
- Di Salvo, M. (1999). 'Vita e Viaggi di Filippo Balatri (preliminari all'edizione del testo)', *Russica Romana*, 6, 37–57.
- Dubrovskii, I. V. (2023). 'Neskol'ko opisaniy Petra I vremen Velikogo posol'stva', in: S. V. Mironenko, ed., *Ezhegodnik Gosudarstvennogo arkhiva Rossiiskoi Federatsii: publikatsii, issledovaniya, retsenzii*. Moscow: [s. n.], 13–30.
- Dubrovskii, I. V. (2023). 'Noye dannye o sud'be knyazyza A. P. Prozorovskogo i povest' o Vasilii Kariotskom', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom». Vol. 70, 263–277.
- Erman, J. P. (1801). *Mémoires pour servir à l'histoire de Sophie Charlotte, Reine de Prusse*. Berlin: G. F. Starcke, 329 p.
- Guzevich, D. Yu. (2012). *Putevye zapiski Velikoi osoby (1697–1699): kriticheskaya istoriya publikatsii i problema avtorstva*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 215 p.

- Guzevich, D. Yu., Guzevich, I. D. (2022). 'Eshche raz o putevom zhurnale A. P. Izmailova («Velikoi osoby»), ili A v tom li zhanre?', in: *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. Vol. 114. Saint Petersburg: [s. n.], 121–135.
- Leibniz, G. W. (1993). *Sämtliche Schriften und Briefe. Erste Reihe. Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel*. Bd. 14. Berlin: Akademie-Verlag, LX, 1021 S.
- Mediger, W. (1954). 'Die Begegnung Peters des Großen und der Kurfürstin Sophie von Hannover in der Darstellung A. N. Tolstoj's', in: *Niedersächsisches Jahrbuch für Landesgeschichte*. Bd. 26, 137–143.
- Ol'shevskaya, L. A., Travnikov, S. N., eds. (1992). *Puteshestvie stol'nika P. A. Tolstogo po Evrope, 1697–1699*. Moscow: Nauka, 380 p.
- Otten, F. (1984). 'Anmerkungen zu italienischen Lehnwörtern der Petrinischen Epoche', *Die Welt der Slaven*, 29, 250–267.
- Otten, F. (1984). 'Reiseberichte der Petrinischen Zeit als linguistische Quelle («Dnevnik» — 1697/99)', *Zeitschrift für slavische Philologie*. Bd. 44, 2, 354–414.
- Otten, F. (1985). *Der Reisebericht eines anonymen Russen über seine Reise nach Westeuropa im Zeitraum 1697/1699. Zum Autor und zur Sprache des Reiseberichtes*. Berlin, Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 79 S.
- Otten, F. (1988). 'Neue Quellen zur Datierung einer Wachsfigur Friedrichs I', *Zeitschrift des deutschen Vereins für Kunstwissenschaft*. Bd. 42, 2, 77–81.
- Otten, F. (1991). 'Zur linguistischen und kulturhistorischen Bedeutung russischer Reiseberichte der Petrinischen Zeit', *Zeitschrift für Slawistik*. Bd. 36, 4, 564–579.
- Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii drevnei Rossii s derzhavami inostrannymi* (1867). Saint Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii. Vol. 8, [7] p., 1416, 164 col.
- Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii drevnei Rossii s derzhavami inostrannymi* (1868). Saint Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii. Vol. 9, [6] p., 1230 col.
- Platonov, S. F. (1929). 'B. I. Kurakin i A. P. Prozorovskii (1697–1720)', *Doklady Akademii nauk SSSR. Seriya V*, 12, 236–237.
- Plokhinskii, M. M. (1896). 'Puteshestvie ieromonakha Tarasiya Koplonskogo v Italiyu v kontse XVII stoletiya', *Sbornik Har'kovskogo istoriko-filologicheskogo obshchestva*, 8, 289–296.
- Pypin, A. N. (1899). *Istoriya russkoi literatury*. Saint Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha. Vol. 3, X, 535 p.
- Schnath, G., hrsg. (1927). *Briefwechsel der Kurfürstin Sophie von Hannover mit dem preußischen Königshause*. Berlin, Leipzig: K. F. Koehler, XXI, 331 S.
- Shmurlo, E. F. (1903). *Sbornik dokumentov, otnosyashchikhsya k istorii tsarstvovaniya imperatora Petra Velikogo*. Yur'ev: Tipografiya K. Mattisena, XLVI, 728 p.
- Voznesenskaya, I. A. (2018). '«Zhurnal o shestvii v evropeiskie kraja» v rukopisnoi traditsii XVIII veka (po rukopisyam iz sobraniya Biblioteki Akadmii nauk)', in: *Kolleksii rukopisnykh knig v sovremennom mire: khranenie i izuchenie: Sbornik statei po itogam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Dvenadtsatye Zagrebinskie chteniya» (5–6 oktyabrya 2017 goda)*. Saint Petersburg: Rossiiskaya natsional'naya biblioteka, 151–163.

- Voznesenskaya, I. A., Bazarova, T. A. (2019). 'Petrovskoe vremya v rukopisnoi traditsii', *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniï. Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 4 (97), 9–19.
- Wittgenstein, L. (1984). *Werkausgabe*. Bd. 1. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 621 S.
- Zapishnaya knizhka lyubopytnykh zamechaniï velikoi osoby, stranstvovavshei pod imenem dvoryanina rossiiskogo posol'stva v 1697 i 1698 godu (1788)*. Saint Petersburg: Tipografiya Bogdanovicha, 50 p.
- 'Zhizn' knyazyya Borisa Ivanovicha Kurakina, im samim opisannaya' (1890), in: *Arkhiv knyazyya F. A. Kurakina*. Saint Petersburg: Tipografiya V. S. Balasheva. Vol. 1, 243–287.